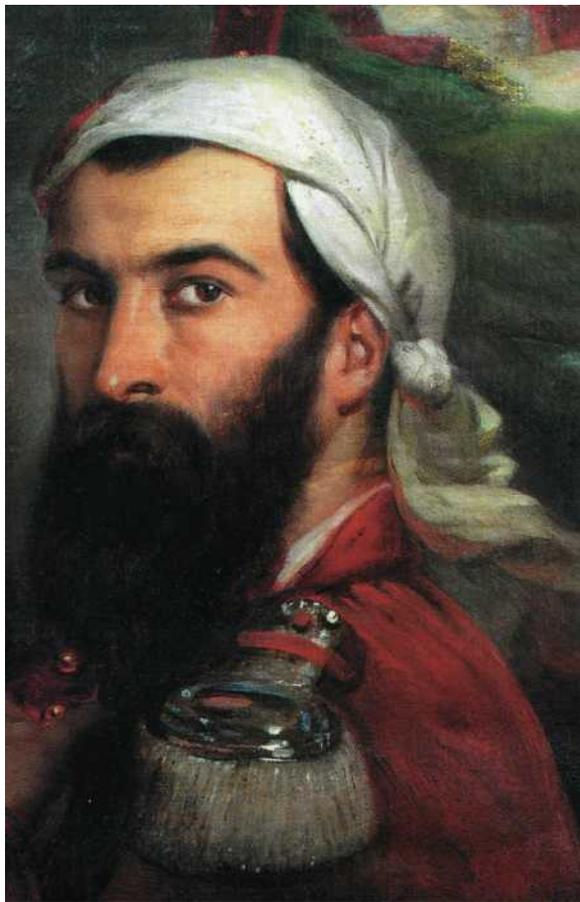

...Этот крохотный островок на морских картах обозначали еле заметной точкой. Слева от него находилась наполеоновская Эльба, справа — Монтекристо, давший имя герою Александра Дюма.

ЛОГОВО ЛЬВА

Четвертое место за столом пустовало. За ним, на стене, в раме под стеклом — черный локон

Размерами все три острова не отличались, но Капрера был самым жалким: скалы, поросшие жесткой травой расселины, заросли чахлого можжевельника. Вокруг островка, словно осы у банки с вареньем, кружили несколько военных катеров. Мимо берега медленно прошла лодка — рулем и парусом управляли двое молодых людей.

— Смотри, смотри, — сказал один, — мы у Капреры! Когда-нибудь это Богом забытое место станет знаменитым не меньше, чем Эльба и остров Святой Елены.

— Катера... ближе не подойдешь. Кого же они охраняют — нас от него или его от нас?

— Эй, в лодке! — крикнули им с катера, — а ну проваливайте, да поживее!

— Уходим, — ответил юноша, сидящий на руле. — Только ведь Джузеппе Гарибальди — знамя новой Италии! Он словно песня, а ее от людей не спрячешь, как ни старайся.

— Эх, — вздохнул второй гребец, когда они миновали остров, — хоть бы одним глазом взглянуть на «логово льва».

«Логово льва» было довольно большим белым домом за оградой из нетесаного камня. Рядом был разбит маленький сад с низкорослыми миртовыми и апельсиновыми деревьями и свежевскопанной клумбой — хозяин дома упорно сажал здесь розы, а те упорно не хотели расти.

Из трубы валил густой дым, в доме звучали голоса, мужской и женский.

— Запомни, женщина, заруби себе на носу: хозяйство в этом доме веду я, Галеано, волонтер гарибальдийской армии. Твое дело — стирка и уборка, а ты толком не делаешь ни того, ни другого. Эх, если бы не генеральская доброта с простотой пополам!

— От частых стирок белье изнашивается. Что до уборки...

— Т-с-с, перестань вопить. Генерал...

Генерал, высокий, голубоглазый, с окладистой полуседой бородой, перешагнул порог, тяжело опираясь на узловатую палку.

— Эй, я нашел ягненка. Оказывается, этот несмышлениш провалился в расселину возле ручья...

Ужинать сели вместе — Гарибальди, Галеано и Франческа, толстая краснощекая служанка. Четвертое место за столом пустовало. За ним, на стене, в раме под стеклом — черный локон.

После ужина Гарибальди сразу ушел к себе — его небольшую комнату Франческа и Галеано называли «генеральским кабинетом». Узкая солдатская койка, табурет с кипой газет, через комнату протянута веревка, на ней — красная рубаха. Когда-то такие носили его волонтеры. Красная рубаха считалась символом мужества — на ней не было видно крови.

Еще в комнате был стол. Оплывшая свеча в жестяном подсвечнике, чернильница, перо, кипа чистой бумаги и груда исписанных листов.

«А может, напрасная затея эти мемуары?» — подумал Гарибальди. Разве сумеет он написать обо всем, что было? Вчера почтальон привез газеты — там сказано, что за 35 лет он десять раз поднимал итальянцев на борьбу за освобождение страны. Это только Италия — а ведь была еще и Латинская Америка. Была молодость, была любовь... Была Анита.

Он родился в Ницце, портовом полуитальянском-полуфранцузском городе, почти шестьдесят лет назад. Мать хотела сделать из него священника, отец, хозяин и капитан небольшой торговой посудинки, — коммерсанта. Несколько лет учебы, несколько лет каботажа: Генуя, Одесса, Таганрог — их кораблик возил в Россию вино и оливки, а в Ницце они выгружали украинскую пшеницу. Джузеппе вырослел, набирался морского опыта — вскоре он стал помощником капитана, а потом и капитаном торговой шхуны... А затем моряк узнал о том, что в Италии существует могущественное, готовящее всеобщее восстание тайное общество, мечтающее объединить раздробленную, подчи-

Моряк принес страшную клятву, и его представили главе «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини

няющуюся иностранцам нацию, — и его жизнь обрела смысл.

Двадцатипятилетний Гарибальди видел себя на баррикадах: он произносит речь, размахивая над головой сверкающей саблей, а потом ведет ревущую толпу вперед — сражаться за свободу, равенство и братство. Моряк принес страшную клятву заговорщика, и его представили главе «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини, невысокому хрупкому мужчине с холодными глазами. Тот дал Гари-

бальди кошелек с золотом и велел записаться в военный флот королевства Пьемонт: восстание могло начаться со дня на день, и молодому человеку надо сделать так, чтобы хоть один королевский корабль поддержал заговорщиков.

И Джузеппе начал разлагать команду военного фрегата «Эвридика». Деньги Мадзини шли на оплату матросских попок, во время которых Гарибальди рассказывал сослуживцам о близком мятеже и неминуемом торжестве справедливости — моряки с радостью пили за его счет и вроде бы охотно с ним соглашались. Все складывалось отлично, но в день перед восстанием Джузеппе Гарибальди вдруг почувствовал: надо бежать. Ничего не произошло, но чувство близкой опасности было необычайно сильным, и он бросился в шлюпку и погреб к берегу. Там матрос постучался в первую попавшуюся дверь. Открывшей ему женщине приглянулись богатырский рост незнакомца, голубые глаза и парадная форма пьемонтского флота (высокий черный цилиндр, черный сюртук и белые брюки). Она спрятала моряка, а следующим вечером принесла ему газету. Из нее Гарибальди узнал, что повстанцы разбежались, а его ищут по всему городу: военный трибунал приговорил мятежника к позорной казни.

Женщина была уже немолода, а его все называли красавцем. Они провели вместе две ночи, а потом она принесла ему другую одежду и выпустила на улицу через заднюю дверь. Дорога в порт, короткий разговор с капитаном — и вот уже его ждет восьмидневное путешествие через Атлантику. Джузеппе сошел на берег в Рио-де-Жанейро и застыл, ослепленный ярким солнцем, сверкающими в его лучах белыми домами, блеском воды, зеленью тропических деревьев, огорошенный шумом и пестротой портовой толпы.

...Свеча догорела. Гарибальди ошупью нашел в ящике стола другую. Зажег.

...— Вы будете не пиратом, а корсаром... — так сказал каудильо мятежной бразильской провинции. Он называл себя президентом республики Риу-Гранди-ду-Сул и вел дела с хваткой, сделавшей бы честь любому гнуззскому негодянту. — Я беру вас на службу, сеньор. Вы моряк, и это очень большая удача.

Не все ли равно, где сражаться за правое дело (тем более когда ты не очень хорошо понимаешь, в чем именно оно состоит)? Неведомые риу-грандийцы хотели независимости, и этого оказалось достаточно — Джузеппе Гарибальди начал охотиться за кораблями, плававшими под флагом императора Бразилии, Его величества дона Педру.

Соленые брызги, жуткая качка... Его кораблик (две мачты, две маленькие пушки, шесть небритых полуголых разноязыких головорезов) берет на abordаж торговую шхуну. Пассажиры с их деньгами и вещами отпущены, груз отобран — и это повторяется изо дня в день. А потом на горизонте появляется высокий силуэт военного судна, и стоящий рядом товарищ валится на палубу — выпущенное с бразильского корвета ядро сносит ему голову. Шхуну топят, Гарибальди находит новое судно, воюет на море, дерется на суше, во главе нескольких десятков итальянских эмигрантов отбивается от целой армии, попадает в плен,

**Император Бразилии дон Педру II,
с кораблями которого сражался молодой Гарибальди**

бежит, снова оказывается на капитанском мостике... Тринадцать проведенных в Латинской Америке лет сливаются в единое целое: рвущиеся паруса, падающая мачта, дым залпов, звон сабель, заливающая лицо чужая кровь, косматые аргентинские всадники, мчащиеся вперед, размахивая лассо, ошетилившаяся пиками босоногая негритянская пехота...

...Гарибальди снял и протер пенсне: только сейчас он заметил, что лист исписан одним словом — «Анита».

Как-то он сказал ей: «Эта встреча была для меня как удар грома».

Она засмеялась:

— Нет, Хосе, нет! Это была молния. Золотая молния. Она вспыхнула, когда наши взгляды встретились.

Они стояли и молча смотрели друг на друга. Девушка была смуглой и черноволосой, как большинство уроженков этой земли. Черными были и глаза — казалось, что они занимают пол-лица. Он неожиданно оробел, залился краской, замялся, не зная, куда деть руки и как начать разговор. А она рассмеялась — и ему показалось, что в горле у нее затрепетали серебряные колокольчики.

— Как, — спросил он хрипло, — как тебя зовут?

— Анита. Я тебя знаю. Ты генерал Гарибальди. Нападаешь на вражеские суда и не берешь с побежденных ни реала.

«Моя жена — восьмое чудо света. Она прекрасна, добра, делит со мной все тяготы военной жизни», — писал Джузеппе Гарибальди родителям об Аните

Потом в его лагере появилась Анита — смертельно уставшая, босая, беременная на пятом месяце

Она подошла к нему почти вплотную и дотронулась до рукава рубахи.

— Не годится генералу ходить с обтрепанными рукавами. Пойдем в дом, я почию.

— Ты будешь моей! — неожиданно выпалил он. И смутился окончательно.

Она снова рассмеялась.

— Нет, генерал Хосе. Это ты будешь моим.

Утром он отправился на корабль, и Анита еле поспежала за ним. На ее руке болтался узелок.

— Пойми же, — твердил Гарибальди, — женщине не место на корабле, особенно когда идет война.

— А кто же будет чинить одежду тебе и твоим матросам? Кто сварит вам всем настоящую еду? И кто там приглядит за тобой?

Она быстро и ловко взбежала по трапу на палубу и звонко крикнула изумленно вытаращившей глаза команде:

— Здравствуйте! Я жена вашего генерала!

Однажды, во время короткой передышки между боями Гарибальди сидел на пороге домика Аниты и писал письмо домой: «Дорогие папа и мама, моя жена — восьмое чудо света. Она прекрасна, добра, делит со мной все тяготы военной жизни, и при этом ее поистине неженская храбрость...»

Анита вышла из дома и уселась рядом с мужем.

— Хосе, я должна сказать тебе кое-что... Детей у меня станет двое.

Он не понял. Она объяснила:

— Мой первый ребенок — это ты. Второй скоро будет...

...— Генерал Гарибальди, мы прекращаем борьбу, — сказал ему президент. — На соседней асьенде вас ждет стадо. Быки. Девятьсот голов. Это ваше жалованье. Денег у меня нет. Благодарю вас за службу и прощайте.

Часть стада пала по дороге, часть утонула при переправе через реку, остальные быки разбежались. В Монтевидео, где его ждала беременная Анита с годовалым сынишкой, Гарибальди привез несколько бычьих шкур — денег, вырученных за них, едва хватило на новую одежду.

А потом в Монтевидео пришли европейские газеты, и он узнал, что Италия поднялась на борьбу. Недолгие сборы, переговоры с капитаном торгового судна — и Гарибальди отправляется на родину. С ним плывут несколько сотен верных, решительных, умеющих сражаться людей. В Генуе их встречает огромная толпа. Цветы, овалы, вопли: «Вива Гарибальди!» Так он узнал, что дома его считают героем.

Газеты исправно рассказывали о его подвигах, а привыкшей к поражениям нации был нужен кумир. О том, чтобы привести в исполнение старый смертный приговор, уже не шло и речи: Джузеппе побывал на приеме у решившего возглавить национальное объединение короля Пьемонта, в легион Гарибальди записывались сотни юношей. Правое дело побеждало, и Джузеппе Гарибальди пошел на Рим — папский город должен стать столицей обновленной Италии.

Сперва дело шло хорошо, но потом за Папу Римского вступилась Франция: к вечному городу подтянулся корпус генерала Удино, и удача изменила Гарибальди. Он сражался в первых рядах, его бойцы грудью шли на штыки, но отлично обученные французы и не думали отступать. Эта война была совсем не похожа на ту, что он вел в Латинской Америке, — осадная артиллерия пробила в стене большие бреши, его новобранцы стали разбегаться, те, кто управлял Римом, заговорили о капитуляции... Тогда-то он узнал о малорослом толстячке с приплюснутым носом — графе Камилло Бензо Кавуре — проклятом интригане, лавирующем между своими и чужими, загребающем жар руками патриотов...

А потом в его лагере появилась Анита — смертельно уставшая, босая, беременная на пятом месяце, невестка как прошедшая через французские аванпосты. Он испугался:

— Как? Зачем? Через всю страну, одна... Где Дети?

Джузеппе Гарибальди отдает Сицилию и Неаполь королю Пьемонта

Анита замолчала. Гарибальди не выпускал ее руку. Пuls слабел и слабел, пока не исчез вовсе

— В Ницце с твоей мамой. Не брани меня, любимый, я не могла иначе.

— Анита, дела здесь — хуже некуда.

— Ты жив, я с тобой, и это главное. Вот увидишь — теперь все будет хорошо.

Но хорошо не стало. Город продержался месяц, потом — перед капитуляцией — из него прорвались четыре тысячи гарибальдийцев. Пробиравшийся через страну отряд таял на глазах. Анита шла вместе со всеми, стараясь спрятаться от мужа: ее терзала лихорадка, и она не хотела его огорчать.

Кончились патроны, начался голод. Они шли по Италии, словно чужаки — сбитые с толку, разоренные и озлобленные крестьяне не хотели помогать и выдавали их разведчиков врагу. Вскоре Гарибальди распустил остатки своей ар-

мии. С ним осталось всего несколько человек, они по очереди несли на руках горевшую в лихорадке Аниту.

Наконец их пустили в крестьянский дом: молчаливый и мрачный хозяин уступил свою кровать и прислал жену ухаживать за незнакомой женщиной. Гарибальди сидел рядом с Анитой, держал ее за руку, все время проверяя пульс. Она твердила:

— Все будет хорошо, Хосе, вот увидишь. Я выдержу. Помнишь, в Ла-Плате всего через двенадцать дней после родов я скакала верхом, держа ребенка в седле. Ты только не уходи, Хосе, будь рядом. Всегда рядом...

Потом она замолчала.

Гарибальди не выпускал ее руку. Puls слабел и слабел, пока не исчез вовсе.

Аниту похоронили на морском берегу. Это ее локон висит под стеклом в доме на Капрере. А под рамкой с локоном — кресло. Ее кресло. Никто не смеет занимать за столом место жены генерала Гарибальди.

За окном совсем рассвело. Он накинул пончо и, стараясь не шуметь, вышел из дома. Прихватив корзину и заступ, Гарибальди начал спускаться по крутой тропинке к морю. Вот-вот начнется отлив...

...А за несколько десятков километров от Капреры, по другую сторону пролива, немолодой подтянутый человек с кавалерийской выправкой беседовал с одним из юношей, пытавшихся подплыть к острову.

Газеты исправно
рассказывали о подвигах
Гарибальди, а привыкшей
к поражениям нации
был нужен кумир

— Так ты говоришь, Гарибальди — это национальное знамя и народная песня? Ты хочешь сражаться среди волонтеров великого человека? Ну-ну. В свое время я был таким волонтером. Двадцать пять лет назад дрался за Гарибальди под Римом и нес на руках его умирающую жену. Ты думаешь, все это было красиво, романтично и трогательно? Черта с два. Враг наступал нам на пятки. Мы торопились, и Аниту Гарибальди едва присыпали песком: могилу разрыли собаки, враги увидели торчащую из земли руку и нашли тело. Они пустили слух, что жену задушил сам генерал, позже крестьяне искали в могиле его мифические сокровища...

— Это были темные, дикие люди. При чем тут Гарибальди?

— Верно. Ни при чем. Но Гарибальди — большой ребенок. Всегда им был и потому может быть опасен.

— Опасен? Чем?

— Тем, что он не просто человек. Он — символ и в любой момент может снова стать знаменем.

— Да, и это прекрасно. Он столько сделал для объединения Италии и столько еще может сделать: в Венеции засели австрийцы, Рим занимает французский гарнизон!

— В конце концов они уйдут.

— Сами по себе, без войны?

— А ты знаешь, какой была последняя война, когда я шел за Гарибальди? Я был тогда молод и ничего не понимал: Га-

Гарибальди до сих пор оплакивает свою Аниту. Но когда ему было пятьдесят три, он... женился на 18-летней

рибальди освободил Сицилию и Неаполь, ура! Но при этом он повесил на шею нашему мирному просвещенному Пьемонту дикие и нищие южные провинции.

— Значит, не надо было объединять страну? Пусть бы Италия оставалась, как сказал в свое время австрийский канцлер Меттерних, географическим понятием?

— Этого я не говорил. Все, что стоило объединять, в свое время объединил гений политической комбинации, премьер-министр Пьемонта граф Камилло Бензо Кавур.

— Твой Кавур был грязным интриганом, а Гарибальди — подвижник и святой!

— Никто не отказывает Гарибальди в храбрости. Но что до святости...

— Ты сомневаешься? Столько лет прошло, а он верен памяти своей жены!

— Которой?

— Как которой? Той единственной, что ты нес на руках тогда, во время исхода из Рима!

— Ох... Иногда мне кажется, что я разговариваю с младенцем. Гарибальди не святой, он просто человек. А значит, ничто человеческое ему не чуждо. Да, он до сих пор оплакивает свою Аниту. Но когда ему было пятьдесят три, он женился на восемнадцатилетней маркизе.

— Ты шутишь?

— Вовсе нет, я был свидетелем на его свадьбе. Дело было в районе Комо во время войны с Австрией. Гарибальди тогда

командовал альпийскими стрелками. Молодая патриотка, писанная красавица маркиза Джузеппина Раймонди выскользнула из своего города и помчалась навстречу Гарибальди — она предупредила его о том, что в городе враги. Он влюбился в нее с первого взгляда, и Джузеппина ответила взаимностью. Старый маркиз был счастлив породниться с великим человеком: свадьба состоялась, а сразу после вен-

чания генералу передали письмо. Неизвестный доброжелатель убедительно, с доказательствами сообщил ему о том, что его молодая жена жила сразу с двумя кавалерами — своим кузеном, маркизом Ровелли, и моим однополчанином, лейтенантом Луиджи Кароли. С кузеном она провела ночь накануне венчания. Более того — Джузеппина ждала от него ребенка. Об этом мало кто знает — и слава Богу. Рога Гарибальди опозорили бы всю Италию. Джузеппе не святой: он старый простофиля, да к тому же еще и романтик.

— Вот что я тебе скажу, отец. Если Гарибальди бессовестно обманула грязная шлюха, это не вина его, а беда. Жозефина вовсю изменяла Наполеону, но он не перестал быть Наполеоном — ни в глазах современников, ни для потомков.

— А как же его собственные похождения? Сколько женщин его любило, и каких! Английская аристократка леди Эмма Роберте, графиня Мария Мартини делла Торре, журналистка Джесси Уайт, писательница Мария Эсперанца фон Шварц и еще множество дам.

— Отец, а ведь ты завидуешь Гарибальди!

— Что? Что-о?

— Да-да. Его женщинам и его славе, которой у него не меньше, чем у Наполеона.

— Его славе? Ну что ж, я не Гарибальди — каждому свое. Женщины? Это все в прошлом. Сейчас рядом с ним служанка Франческа Армозина. Думаю, в конце концов он на ней женится — в его возрасте уже нужна нянька.

— Знаешь, что скверно, отец? Не то, что ты говоришь, а то, как ты это говоришь. Ты столько лет был с ним рядом, ну почему ты так?..

— Почему? Многие из тех, кто был с ним рядом, сделали прекрасную карьеру, твой покорный слуга тому пример. Когда-то я был гарибальдийцем, а теперь Джакомо Медичи — генерал, сенатор и адъютант его величества, мне твердо обещали титул маркиза. Мой бывший однополчанин Франческо Криспи вот-вот станет премьер-министром... А он, видите ли, не захотел. Если хочешь знать, он действительно великий полководец — но в 60 лет остался юношей, живущим романтическими бреднями. Отказался от титула, от стотысячной пенсии — думая об этом, порой чувствуешь себя свиньей... Куда ты?

— Прости, отец, у меня дела.

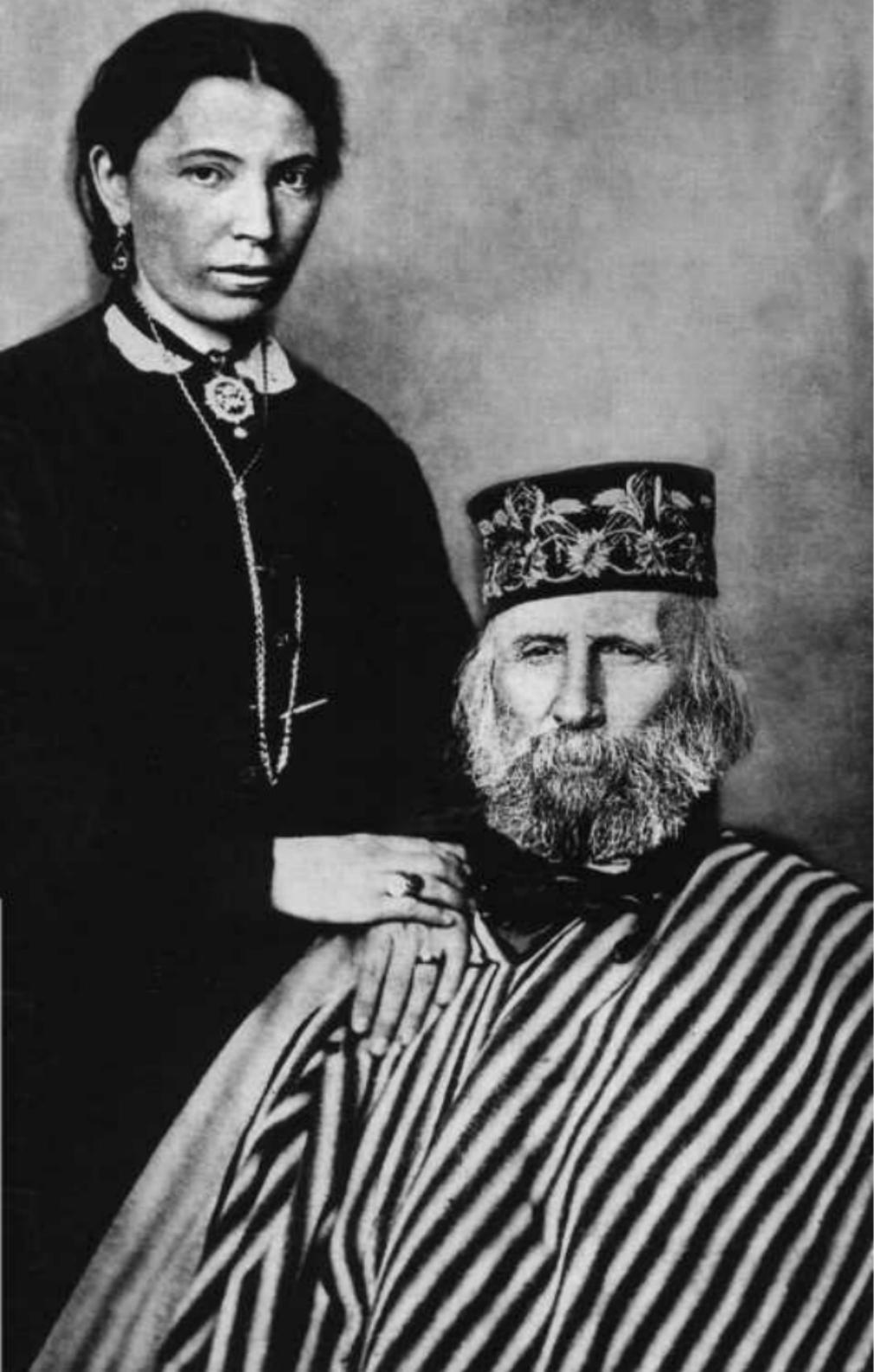
— Если будешь крутиться вокруг Капреры, тебя в конце концов подстрелят...

...Джузеппе Гарибальди тем временем спускался по крутой тропинке к морю. Разыскивая глупого ягненка, он заметил, ли, не захотел. Если хочешь знать, он действительно великий полководец — но в 60 лет остался юношей, живущим романтическими бреднями. Отказался от титула, от стотысячной пенсии — думая об этом, порой чувствуешь себя свиньей... Куда ты?

Корзина с землей получилась тяжелой. Он присел на прибрежный камень передохнуть. Сквозь туман виднелись огни катеров. Они были неподвижны.

«Дрыхнут, — подумал Гарибальди. — Болваны, какие тупые болваны! Посадили меня под домашний арест за то, что я пытался вернуть Италию Рим. Да не сделай они этого, разве газеты во всем мире подняли бы такой шум, разве начались бы по всей Италии многотысячные демонстрации в защиту Гарибальди? Сторожите старика Гарибальди, голубчики, сторожите, посмотрим, кому раньше надоест».

Генерал Гарибальди с женой Франческой Армозина

И вдруг совсем рядом, под скалами, раздался осторожный плеск весел, и чей-то голос негромко произнес:

— Генерал, вы?..

-Я.

— Какая удача!

— Кто это?

— Мой отец когда-то воевал вместе с вами, а меня вы не знаете. Но я надеюсь, что когда-нибудь...

Зычный голос с катера окликнул:

— Эй, там, у берега! А ну-ка проваливайте!

Гребцы налегли на весла.

— До свидания, генерал, — слышалось уже издалека. — До скорого свидания!

Он долго старался разглядеть лодку сквозь туман. Потом поднялся по тропинке к дому. Поставил корзину рядом с грядкой. Здешняя земля упряма, но он еще упрямее: на Капрере будут цвести розы — если он успеет их вырастить.

Как сказал этот молодой человек: «Я надеюсь, что когда-нибудь...»

Юноша не успел закончить фразу, но генерал его понял и негромко сказал самому себе: «Я тоже надеюсь».

Алекс Макдермотт